

МИГРАЦИИ И МИГРАНТЫ: ЭТНИЗАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ГОРОДА

УДК 314

DOI 10.17223/19988613/37/6

А.Н. Алексеенко

МИГРАЦИИ И ЭВОЛЮЦИЯ ВИЗУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА

На протяжении длительного времени в Казахстане складывалась этнически дифференцированная система расселения. В конце XX в. казахи по-прежнему оставались сельскими жителями, русские же доминировали в казахстанском городском пространстве. Более четко тенденция оформилась на северо-востоке республики. Распад СССР привел к интенсификации миграционных потоков, оформившихся в 70–80-е гг. XX в., – эмиграция городского европейского населения и перемещение в города сельских казахов. На примере г. Усть-Каменогорска выясняется, влияет ли смена этнического состава на визуальное пространство города, находят ли суверенные амбиции отражение в визуальных эволюциях городского пространства (архитектура, ономастика, название пунктов общественного питания, магазинов и т.п.), или же сложившееся на «европейской» основе городское пространство способно «растворить» в себе этносуверенные амбиции. Автор приходит к выводу, что русифицированное визуальное пространство Усть-Каменогорска скорее вестернизируется, чем казахизируется. Формирующаяся новая этническая основа города пока продолжает существовать в прежнем визуальном пространстве.

Ключевые слова: визуальное пространство; городское пространство; миграция; функции города; Усть-Каменогорск; этнический состав.

В этнизации городского пространства Казахстана миграция играет определяющую роль. Этническая дифференциация расселения (казахи – сельские жители, русские – городские) складывалась долго (с XVIII в.) и наиболее рельефно оформилась в середине XX в. В результате поток автохтонов в города (четко оформившийся в 60-е гг. XX в.) растворялся в европейской массе, оказывая слабое влияние на социокультурные явления. В первую очередь такой процесс был характерен для северо-восточного Казахстана и Усть-Каменогорска в частности.

После распада СССР ситуация кардинально меняется. Политические, социальные, экономические постсоветские трансформации сказались на интенсификации, с одной стороны, эмиграции европейского городского населения, с другой – перемещении в городскую местность сельских казахов. Идет процесс этнического замещения в основных социальных нишах города, долгие годы функционировавших на русскоязычной основе. Казахи, не имея опыта строительства городского пространства, вынуждены, с одной стороны, перенимать имеющиеся уже стандарты жизнедеятельности (как русифицированные, так и вестернизированные), с другой – привносить в них элементы национальной культуры. Одним из критериев процесса развития «цивилизационной диффузии» является меняющееся визуальное пространство города в условиях этнической перегрузки.

История формирования городского пространства Усть-Каменогорска. В Казахстане присутствует немало вариантов адаптации к городскому пространству, размещающихся в диапазоне между «автохтонным» и «европейским» полюсами. Многое зависит от численности и этнического состава сельского населе-

ния региона. Усть-Каменогорск занимает срединную позицию в этом диапазоне. С одной стороны, в этническом составе города по-прежнему преобладает европейский компонент, так же как и в близлежащих районах. В то же время наиболее многочисленные миграционные потоки в областной центр идут из далеких казахских регионов. Таким образом, зона притяжения населения городом простирается далеко за пределы его окрестностей.

Для существования полиэтничного теперь городского пространства большое значение имеет его историческое прошлое, закреплённое в названиях улиц, памятниках и других символах, фиксирующих этнокультурные предпочтения «старого» городского населения.

Впервые русские появились в верховьях Иртыша в связи с необходимостью добычи соли на Ямышевском озере. Направляясь от г. Тары, отряды русских продвигались по территории, занятой джунгарами. Строительством укреплений их удалось оттеснить к югу. В XVIII в. принимаются меры по укреплению новых государственных рубежей. Основное внимание было обращено на строительство военных линий по р. Иртыш. Поводом к расширению границы вверх по Иртышу послужил слух об обилии золотых россыпей около джунгарского г. Еркети (г. Яркенд, ныне находится в Китае, СУАР). Слух дошел до Петра I. Для овладения Яркендом одна за другой снаряжаются экспедиции И. Бухгольца (1715 г.) и П. Ступина (1717 г.), в результате которых были заложены крепости Ямышевская, Омская, Железинская, Семипалатинская. В 1719 г. для отыскания Яркенда, а также для расследования злоупотреблений сибирского губернатора Матвея Гагарина снаряжается отряд во главе с гвардии майором

И.М. Лихаревым. В 1720 г. отряд дошел до оз. Зайсан, но вследствие обмеления Иртыша и столкновений с джунгарами вынужден был вернуться. На обратном пути, осенью 1720 г., при впадении р. Ульба в Иртыш, была заложена крепость Усть-Каменная, названная так потому, что здесь Иртыш вырывался из гор на равнину (устье каменных гор). Крепость стала южной оконечностью образовавшейся Иртышской линии. В ряду редутов, крепостей Усть-Каменогорская крепость была признана главной из всех верхиртышских укреплений, «угловою точкой», где смыкались Иртышская, Колывано-Кузнецкая и Бухтарминская линии.

Административное подчинение Усть-Каменогорска (город – с 1868 г.) неоднократно менялось, он входил в состав Тобольской провинции, Колыванской области (затем губернии, наместничества), Омской области, Томской губернии, Семипалатинской области (губернии). В 1921 г. из состава РСФСР в состав Семипалатинской губернии КАССР были включены территории 9 волостей Алтайского округа Томской губернии, часть Усть-Каменогорска (Верхняя пристань) также входила в состав Томской губернии. Подавляющим большинством населения этих территорий были русские. В 1939 г. Усть-Каменогорск становится центром Восточно-Казахстанской области (ВКО). В 1997 г. в состав ВКО включена Семипалатинская область.

Первыми жителями крепости были казаки, сибирские крестьяне, ссыльные. Постепенно Усть-Каменогорск превратился в «перекресток» рудных дорог. Отсюда снаряжаются экспедиции в Алтайские горы. В XIX в. Усть-Каменогорск был важным перевалочным пунктом в торговле с Синьцзяном, Кашмиром, Тибетом.

Бурный рост Усть-Каменогорска начинается в 50-х гг. XX в., стремительно увеличивается численность населения (таблица). Темпы роста русского населения ВКО в 1939–1959 гг. были в 2,2 раза выше темпов роста казахского. В Усть-Каменогорске русских стало больше в 8,1 раза. Происходит это как за счет притока населения из-за пределов Казахстана, так и внутренней миграции из близлежащих районов компактного расселения русского хинтерланда. Основной причиной этого явления является развитие промышленности, превращение города в один из союзных центров цветной металлургии. В Усть-Каменогорске располагалось несколько десятков крупных предприятий союзного значения – Свинцово-Цинковый комбинат (Казцинк), Ульбинский Металлургический завод, Титано-Магниевого комбинат, Конденсаторный завод, Востокмашзавод, Завод керамических изделий, Арматурный завод, Гидросталь, Завод приборов и т.д. В городе находился горно-металлургический институт АН Каз ССР, филиал Всесоюзного научно-исследовательского института цветных металлов (ВНИИЦВЕТМЕТ), проектный институт Казгипроцветмет, два вуза и т.д.

Ведущим фактором в становлении городского пространства Усть-Каменогорска является, на наш взгляд,

этнополитика, определяющая социально-экономические, культурологические, ономастические и другие тенденции. Вследствие этого история города делится на два периода, наполненных разным этнополитическим содержанием.

Первый период состоит из двух этапов. «Имперский» этап, когда распространение российского (русского) влияния в казахской степи являлось непосредственной государственной задачей. Крепости, форпосты, укрепления были очагами и защитниками российской культуры от недоброжелательных инородцев-номадов (джунгар, прежде всего).

В XIX – начале XX в. все большее значение начинают приобретать социально-экономические факторы. Но этнодемографический результат был почти тот же – казахов в Усть-Каменогорске было немного (7,5% в 1897 г.).

В 1920–1980 гг., время действия советского этапа, этнополитический фактор проявляется опосредованно, в основном через социально-экономические процессы. Усть-Каменогорск становится индустриальным центром. Кадровый состав предприятий формируется в основном из европейцев (воспроизводство городского населения, миграция из-за пределов Казахстана, миграция из прилегающих районов – в г. Лениногорске, Зыряновском, Серебрянском, Шемонаихинском, Глубоковском районах удельный вес русских всегда был больше 80%.) Таким образом, основой этнического состава являлись русские, работающие, в массе своей, на промышленных предприятиях города (таблица).

В 80-е гг. XX в. оформилась тенденция формирования населения Восточно-Казахстанской области за счет казахов. При этом самые высокие темпы роста численности казахов наблюдались в русскоязычных северных районах региона (г. Лениногорск, Зыряновский, Шемонаихинский, Серебрянский, Глубоковский районы). Наибольшим предпочтением пользуется областной центр. Динамика численности этноса в 1979–1989 гг. была здесь в 16,5 раза выше, чем в традиционно «казахских» районах, и в 6 раз выше, чем темпы роста числа русских. Тем не менее внедрение в городское пространство шло главным образом на «русской» основе.

В суверенный период, особенно в его начале, ситуация изменилась незначительно. Обозначившиеся тенденции формирования населения областного центра еще более усиливаются. Особенностью является то, что наряду с ростом казахского населения стало сокращаться число русских. Статистически присутствие в Усть-Каменогорске представителей казахского этноса становится все более зримым (таблица).

Данные таблицы показывают, что за постсоветский период число казахов в Усть-Каменогорске увеличилось в 3,7 раза. Русских стало меньше в 1,4 раза. В результате удельный вес казахов в составе населения города в 2014 г., в сравнении с 1989 г., вырос в два раза. Среднегодовые темпы роста числа городских казахов наиболее высоки в 2009–2014 гг. (11,5%) – в 1,8 раза выше, чем в предыдущие два десятилетия (6,6%).

Можно предположить, что в ближайшие годы миграционный поток из села в город еще более интенсифицируется. В активный социальный возраст (получение высшего/среднего специального образования, поиск работы) начнут вступать молодые люди, рожденные в начале 2000-х гг., – представители второй демографической вол-

ны, вызванной демографическим взрывом 50-х – начала 60-х гг. XX в. С учетом того, что в сельской местности проживают около 400 тыс. казахов, миграционный поток из села в состоянии ещё более серьезно изменить этнический состав областного центра, тем более что сохраняется тенденция сокращения численности русских.

Численность и этнический состав населения г. Усть-Каменогорска по данным переписей населения и текущей статистики

Год	Численность населения, чел.	В том числе					
		казахи		русские		другие этносы	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
1897	8 721	656	7,5	7 325	84,0	740	8,5
1926	13 909	684	4,9	11 381	81,8	1 844	13,3
1939	20 141	1 645	8,2	16 549	82,2	1 947	9,6
1959	159 335	7 045	4,4	133 618	83,9	18 672	11,7
1970	230 340	11 830	5,1	199 240	86,5	19 270	8,4
1979	274 716	19 019	6,9	232 166	84,5	23 532	8,6
1989	322 781	34 097	10,6	263 179	81,5	25 505	7,9
1999	320 234	62 136	19,4	238 057	74,3	20 041	6,3
2009	298 866	79 313	26,5	203 499	68,1	16 054	5,4
2014	325 803	124 910	38,3	188 872	58,0	12 021	3,7

Источники: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г., Семипалатинская обл. СПб., 1905. С. 54–55; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Казахская АССР. М., 1928. Т. 8. С. 15–18; Всесоюзная перепись населения 1939 г. // ЦГАНХ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 558. Табл. 27. Л. 41–42; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Казахская ССР. М., 1962. С. 13; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 4. С. 235; Данные Восточно-Казахстанского областного управления статистики. Усть-Каменогорск, 1991; Итоги переписи 1999 г. по Восточно-Казахстанской области. Алматы, 2001. Т. 2. С. 43; Данные департамента статистики ВКО. Усть-Каменогорск, 2009; Этно-демографический сборник Республики Казахстан. 2014. Агентство РК по статистике. Астана, 2015.

Современное городское пространство: инерция «досуверенного» прошлого или становление новой парадигмы? Сможет ли сложившаяся на «русской» основе городская система быть опорой для иного этнического состава? Или «новые горожане» в состоянии создать городскую среду, учитывающую особенности самобытной культуры казахов? Или – некая диффузия, отражающая основные компоненты цивилизационных идентичностей? Некоторые тенденции возможного развития процесса зафиксировала культуролог З. Наурызбаева: «В XIX в. <...> русские колониальные чиновники и миссионеры отмечали интерес казахов к русскому образу жизни, их способность и готовность перенимать этот образ. То же самое можно сказать о казахах, соседствующих с узбеками. Сейчас казахские студенты с увлечением празднуют Хэллоуин и День Валентина» [1]. По мнению З. Наурызбаевой, «кочевая культура отличается от оседлой тем, что в ней не было катастрофического разрыва между городской и сельской культурой, не было того, что принято называть “идиотизмом деревенской жизни”. Кочевник постоянно (хотя бы в цикле годовой кочевки) передвигался на сотни и тысячи километров, что уже само по себе расширяло кругозор, общался с представителями других родов и племен» [2]. С учетом того, что кочевой уклад жизни был полностью разрушен в XX в., «абсолютное большинство казахов живут сейчас вне кочевого уклада, в городе разрушена и родовая община. Ясно, что при таком коренном изменении уклада нация должна искать новые формы жизни, в массе заимствуя их у других народов» [1]. Общественный деятель А. Тужутов считает, что «отказ аборигенов от своего традиционного общества и постепенное их перетекание

в современное государствообразующее общество на основе пришлого европейского населения – это достаточно распространенное явление в мире». В Казахстане же процесс социальной эволюции носит односторонний характер: «...социальная эволюция коренных жителей страны происходит исключительно по направлению “казахскоязычное традиционное общество – русскоязычное современное общество” <...> Вопрос здесь не в том, что такое поведение натурализованных в казахстанцев казахов – это хорошо или плохо. А в том, что надо считаться с такой более чем очевидной реальностью» [3].

Сложно сказать, насколько адекватна идея «односторонней социальной эволюции» современному состоянию казахстанского социума. А. Тужутов высказал мнение в начале XXI в. С тех пор ситуация изменилась. В настоящее время заметны успехи казахского языка в освоении городского пространства. «Современное общество» не обязательно должно быть русскоязычным, а казахскоязычное – традиционным. Ясно одно: миграционный поток из села в город будет нарастать, и именно в полиэтническом городском пространстве происходит становление «новых форм жизни».

Конечно же, при переезде в город сельский житель менее всего думает о цивилизационных последствиях своего решения. Основные причины смены места жительства казахов – экономические, социальные. Областные СМИ довольно часто описывают трудности, которые испытывают вчерашние сельчане в городе. Время публикации большого значения не имеет – значительная часть современных переселенцев сталкивается с теми же проблемами, что и их предшественники 10–15 лет назад: «Всем известно, в последние годы

многие потеряли работу. Скот тоже в численности уменьшился, магазина нет. У коммерсантов все очень дорого. Проезд тоже подорожал. “Если так сидеть, дети будут бедствовать”, – так думали жители деревень. И поэтому переселились в город... У которых есть кое-какие деньги, купили развалившиеся дома, дачи. Там, где было глухо, тихо, – теперь шумно. Там живут казахи... Самое интересное, если спросишь любого о том, как ему живется, они отвечают: “Да нормально, лучше, чем в деревне”. У одной из них младший сын ходит в детский сад. Если бы они были в деревне, он бы смог ходить туда?» [4]. Люди надеются, что город может дать то, чего часто нет в сельской местности, – работу и материальное благополучие, социальные услуги, достойное образование и карьерные перспективы. Социологические исследования показывают, что «в качестве приоритетных целей молодежь выбирает деловую карьеру, образование и достойную работу. Образование и учеба важны для 57,4% респондентов, а достойная работа – для 50,4%» [5].

Приезжие готовы обустроиться в городе, несмотря ни на какие трудности. Именно эта часть мигрантов более всего готова к восприятию городской действительности. И именно их город довольно быстро «подчиняет» себе.

С учетом исторических особенностей становления казахстанского городского пространства оно до сих пор остается русскоязычным. Российский писатель М. Жванецкий отмечает: «Впечатления от Алматы: прекрасный русский язык. У казахов. Они останутся носителями русского языка» [6]. Поэтому одним из важных условий освоения города является знание русского языка: «Выпускники казахских сельских школ, приезжая в поисках лучшей жизни в города, особенно в Алматы и Астану, самостоятельно и без всяких указаний выучивают русский язык, поскольку рынок диктует свои условия. Даже если ты хочешь заниматься частным извозом, придется осваивать общепонятную речь, то есть русскую» [7].

По мнению главного специалиста Института философии и политологии Р. Кадыржанова, «в школе изучают казахский язык. И казахи, и русские ребята. Но мы живем в русскоязычном мире. В этом легко убедиться, выйдя на улицу. Окружение играет огромную роль... Кстати, почему-то ученые не занялись исследованием феномена, связанного с оралманами и жителями казахской глубинки. Они приезжают в большой город, устраиваются на работу. Через полгода, максимум год начинают весьма прилично говорить по-русски» [8].

Прибывшая в город молодежь очень скоро убеждается и в том, что здесь их никто не ждет. Причем не ждет именно городское население в целом, этническая принадлежность «встречающих» большого значения не имеет. Так, в Алматы «сто процентов опрошенных испытывают неприязнь к приезжим... для местных все приезжие являются ни кем иным, как варварами...

агрессия идет именно со стороны горожан, а сельчане в большинстве своем проявляют защитную реакцию. Хотя, может быть, дело в том, что именно приезжие раздражают своим поведением местных» [9].

Попытка части приезжих «встроиться» в городскую иерархию с помощью «патриархально-патриотического» ресурса встречает жесткое противодействие со стороны городских казахов. А. Конарова, музыкальный продюсер, отмечает: «Есть одна прослойка населения, заикленная на непонятном “патриотизме”, радеющая за все исконно казахское во всем, не принимающая и не понимающая новые веяния и тенденции. Менять сознание таких людей бесполезно. То ли образованности не хватает, то ли ума. Именно такие, призывая к истокам (причем, не понимая смысла), лузгают семечки во дворах, разбрасывая мусор, оставляя плевики на асфальте, ленятся, не желая поднять зады и работать! Хают все и вся. Самый простой метод найти себе оправдание в своей неустроенности. Вот они-то и обвиняют как раз в копировании Запада» [10].

Подобные публичные оценки возможны, на наш взгляд, в таком мегаполисе, как Алматы, но не характерны для казахов, проживающих в областных центрах, Усть-Каменогорске в частности. Здесь отсутствует еще более или менее представительный слой, имеющий многопоколенную городскую историю и полностью (или в значительной мере) отстраненный от традиционной культуры. Усть-Каменогорск начал пополняться мигрантами в основном в суверенное время, вследствие чего городское автохтонное население более однородно. Налицо так называемая «промежуточная» стадия в освоении недавними сельскими жителями городского пространства. Пока не ясно, как долго будет сохраняться состояние некой «однородности», оно условно и с течением времени размывается. С одной стороны, сюжет «городские казахи» вышел на новый уровень – ситуацию все более определяют молодые люди, родившиеся и социализировавшиеся в городе. Прослойка коренных горожан-автохтонов растет очень быстро. С другой – города постоянно пополняются вчерашними сельскими жителями, привносящими в новое место жительства элементы традиционной культуры. Появляются предпосылки социокультурного расслоения городского казахского социума.

Функции города и варианты адаптации к городскому пространству. С учетом того, что «престижные» социальные ниши в значительной мере все еще русскоязычны, стремление к попаданию в них требует и соответствующего социокультурного «набора». В гораздо большей степени явление характерно для крупных городов Казахстана – Астаны и Алматы. В областных центрах процесс выражен слабее в силу отсутствия «зон притяжений» государственного значения. Ситуацию определяет региональная специфика. Усть-Каменогорск, как говорилось выше, на протяжении большей части своей истории был индустриальным городом. Его основная функция оставалась неиз-

менной на фоне меняющихся политических режимов (царская Россия, Советский Союз, суверенный Казахстан). Сложилась своеобразная «надполитическая» социально-экономическая специфика, вполне способная диктовать горожанам свои условия, определять нормы поведения. Казахи, в силу ряда причин, массового индустриально-промышленного опыта не имеют, вследствие чего чувствуют себя здесь в какой-то мере гостями, невзирая на этнополитические предпочтения, предоставленные суверенитетом. Ощущение «гостевого» статуса предполагает приспособление к сложившейся городской среде. Таким образом, часть мигрантов, направляющихся в Усть-Каменогорск, делает осознанный цивилизационный выбор, готова принимать существующие правила игры.

То, что сохранение основных функций города имеет большое значение для дальнейшего развития, демонстрирует пример г. Семей (до 2007 г. – Семипалатинск). В середине XIX в. город стал «столицей» Семипалатинской области, постепенно обрастая соответствующей инфраструктурой. Семипалатинск являлся образовательным, культурным, транспортным центром Степного края. В советское время город выполнял функции губернского, окружного, областного центра. Сложилась соответствующая структура занятости, призванная обслуживать административный статус. Тяжелая промышленность была представлена незначительно. Легкая и пищевая промышленность подчинялась в основном Министерству обороны СССР, вследствие чего испытала жестокий кризис после распада Союза. В городе всегда был сравнительно (с Усть-Каменогорском, например) высокий удельный вес казахского населения, казахской городской интеллигенции.

Распад СССР негативно сказался на экономических перспективах Семипалатинска. Но более плачевное следствие имела потеря «столичного» статуса. В 1997 г. Семипалатинская область вошла в состав Восточно-Казахстанской области с центром в Усть-Каменогорске. Семипалатинск потерял основную «историческую» функцию, «столичная» инфраструктура была разрушена. Создается огромная (27,5 тыс. кв. км) Семипалатинская городская администрация, в которую вошли 14 сельских округов. В Семипалатинск все более активно устремляется сельское население. Большая часть мигрантов, вследствие недостаточной профессиональной подготовки, оказывается в неформальном секторе экономики (торговля, услуги, строительство и т.п.). Освоение городского пространства вчерашними сельчанами идет на базе традиционных воззрений. Последующие миграционные потоки, в основе своей, адаптируются именно к этой среде. Город постепенно «растворяется» в архайке [11].

Таким образом, благодаря миграции этнодемографические, социокультурные, социально-экономические и другие составные городского пространства Казахстана в постсоветский период претерпели определенные

изменения. Одним из важных критериев динамики развития процесса является, на наш взгляд, эволюция визуального пространства города.

Визуальное пространство Усть-Каменогорска. Современный Усть-Каменогорск сформировался в советский период, и архитектура города отражает особенность именно этой эпохи. Никакой этнической нагрузки она не несет. Современные здания (в основном торговые центры) также вне этнической логики. О том, что город находится в Казахстане, в какой-то степени могут свидетельствовать мечети, визуально доминирующие в городском пространстве. Но почти в равной степени присутствуют и православные храмы, обновившие панорамный уровень архитектуры. Фасадный уровень также в основе своей является наследием советской эпохи. Лишь иногда на стенах «хрущевок» можно увидеть изображения каких-то элементов казахской культуры.

Скульптуры, памятники не заиклены на этнической суверенной идее: Абаю, Славскому (министр советских времен, многое сделавший для развития Усть-Каменогорска), Рабиндранату Тагору, Мусе Джалилю, Касыму Кайсенову, Кирову, Пушкину, Протозанову (первый секретарь обкома партии в 70–80 гг. XX в.), Афганцам, Монумент Победы и т.д. По всему городу разбросаны скульптуры жирафов, лягушек, верблюдов, лошадей, оленей, пчел и т.д. На «Аллее влюбленных», расположенной на набережной Иртыша, установлена масса абстрактных фигур авторов разных стран. Можно сказать, что город старается уйти от некой «местечковости», пытается позиционировать себя как часть мирового пространства.

Несколько большие изменения претерпела ономастика Усть-Каменогорска. «Ономастический ажиотаж» создавала научная и национальная интеллигенция, особенно в 1990-е гг. – в период утверждения в городском пространстве этнополитических амбиций одних и ответной реакции других. Как только стихают этнополитические страсти, прекращаются и ономастические потрясения. В настоящее время число «бойцов» ономастического фронта существенно убавилось в сравнении с первыми годами суверенитета.

Несмотря на снижение градуса ономастического противостояния, конфликтный потенциал сохраняется. Суть его в параллельной аргументации ономастических притязаний. Нетитульное население рассматривает ситуацию через призму социально-экономических характеристик, имеющих длительную историю («мы строили города, заводы, развивали промышленность» и т.п.). Казахи видят проблему с позиции суверенитета, независимости, государственности («это территория Республики Казахстан», «Надо помнить, в каком государстве мы живем» и т.п.). Присутствует и естественно-географический вариант – старинные («доколониальные») названия гор, рек, лошин, ущелий и т.п. Проблема в том, что с помощью естественно-географического наследия переkreить ономастическое

пространство города весьма затруднительно. Ономастическая логика городского пространства выстраивается по иным параметрам. Поэтому преобладает политический аргумент.

В настоящее время можно подвести некоторый итог ономастических дискуссий суверенного периода. Первый вывод – подавляющее большинство названий улиц Усть-Каменогорска носит прежнее название. Из шести сотен улиц города казахские имена имеют немногим более двадцати. Впрочем, «казахскими» многие из них можно назвать весьма условно, в них отражены название административно-территориальных единиц как Казахстана (улицы Казахстанская, Казахстан, Алма-Атинская, Карагандинская, Астана), так и Восточно-Казахстанской области (Катон-Карагайская, Зайсанская, Уланская). При этом большинство зовётся так с советских времен. Несколько улиц носят имена Героев Советского Союза (Молдагуловой, Тохтарова, Кайсенова), известных деятелей советских времен (Ауэзова, Утепова, Джангильдина, Серикбаева, Сатпаева).

Таким образом, названия большинства так называемых «казахских» улиц отражают историю советского Казахстана. Непосредственно истории казахского народа касаются улицы Кабанбай Батыра (герой военных действий в борьбе с джунгарами) и Абая. Суверенная история зафиксирована в названиях проспекта Независимости (бывший проспект Ленина) и площади Республики (бывшая площадь Ленина).

С течением времени названия улиц становятся «своими», на этническую составную мало кто обращает внимания. Так, истинно «своими», «устькаманскими» не одним поколением считаются расположенные в центре города парк им. Джамбула, магазин «Сауле». По поводу названия одного из микрорайонов города («Аблакетка») имеются несколько городских легенд-версий. Все они связаны с казахским началом, но воспринимаются как истинно «устькаманские». Уже мало кто помнит, что одна из центральных магистралей Усть-Каменогорска – проспект Ауэзова, около 20 лет назад была улицей Краснооктябрьской. Сейчас «историческим» считается именно проспект Ауэзова (и воспринимается горожанами именно так). Подтверждением постепенной потери этнической доминанты считаю следующий факт. Переименование Набережной Красных Орлов (по имени местного партизанского отряда времен Гражданской войны), называемой местными жителями НКО и под этой аббревиатурой известной почти всем коренным усть-каменогорцам, в набережную им. Протозанова вызвало бурю негодования местных жителей. Дело доходило до судебных разбирательств, акций протеста и т.д.

Следует отметить, что ономастические претензии имеются лишь к центральным улицам Усть-Каменогорска. Окраины города мало кого интересуют. И хотя именно здесь этнический состав меняется наиболее заметно, ономастических эволюций не последовало. Да и окраинные микрорайоны называются по-

прежнему: Защита (на этом месте когда-то стоял пост казаков, защищавший крепость от набегов джунгар), Гавань, Пристань, Согра (Новая и Старая), Бабкина мельница, Шмелев лог, поселок Красина (известный в народе как Отрываловка), Лесхоз, Нефтебаза, пос. Мирный, Левый берег, КШТ (Комбинат шелковых тканей), Прохладное, Аблакетка и т.д. Названия улиц, какими бы неказистыми они ни были, не меняются многие десятки лет: Прямолинейная, Вытяжной тупик, 3, 4, 5, 6 Паровозные; Первая, Вторая, Третья, Четвертая улицы; переулок Просторный, переулок Конечный, улица Отдельная, улица Неизвестная, улица Временная и т.п.

Наиболее значительные переименования коснулись центральной части города. Проспект Ленина стал проспектом Независимости, улица Пролетарская – Кабанбай Батыра, Ушанова – Казахстан, Урицкого – Касыма Кайсенова (герой Советского Союза, командир партизанского отряда), площадь Ленина – площадь Республики, набережная Красных Орлов – Протозанова, набережная Иртыша – набережная им. Славского, улица Новошкольная – проспект Абая. Вот, пожалуй, и все. Основная масса центральных улиц сохранила прежние названия: Орджоникидзе, Кирова, Горького, Ворошилова, бульвар Гагарина, Космическая, Гоголя, проспект Победы, Либкнехта, Крылова, Головкова, Потанина, Лихарева и т.д.

Таким образом, с ономастической точки зрения этнизация проявилась, в целом, слабо. Во всяком случае, в сравнении с другими городами Республики Казахстан. Ономастика Усть-Каменогорска в основном отражает советскую историю. Суверенный период получил пока гораздо меньшее представительство. При этом он фиксирует не казахскую, а скорее казахстанскую историю (например, дворец Спорта получил имя Бориса Александрова, известного местного хоккеиста, недавно построенный легкоатлетический дворец – имя Ольги Рыпаковой, олимпийской чемпионки).

Основная причина, на наш взгляд, в этническом составе города. Учитывая его, власть не форсирует процесс, стремясь сохранить межэтническую стабильность. В то же время существует вероятность переименования самого Усть-Каменогорска. Наиболее явным претендентом является вариант «Оскемен» (так имя города звучит на казахском языке). Во всяком случае, за пределами Казахстана позиционируется такое название. Именно так город зачастую обозначен на картах, рекламе, в Интернете. С учетом того, что в принятии решений о переименованиях в Казахстане теперь участвует и население, в самом Усть-Каменогорске ономастическая проблема будет решена постепенно, эволюционно. Достаточно посмотреть на динамику изменения этнического состава города.

Ономастические преобразования в основном являются следствием решений «сверху» и в большей степени демонстрируют отношение к проблеме властных

структур. Для выяснения тенденций развития процесса «снизу» стоит взглянуть на «дневное пространство» города. Уличное (пешеходное) пространство – это лицо города, отражение сути городской жизни, место шопинга, променада и т.п. В сельской местности такое пространство, как правило, отсутствует. Есть свой дом, двор. Все, что за ним, – чужое. Поэтому «начинающие» горожане трясут на балконах половики, выбрасывают из окон мусор, кости, чем вызывают активное недовольство соседей.

Итак, краткий анализ названий магазинов, торговых центров, кафе, ресторанов, расположенных в одном из наиболее оживленных мест города – районе улиц Орджоникидзе, Кирова, Горького (центр города). Название всевозможных заведений в радиусе 200–300 м следующие: Торговый дом «Catti», Торговый дом «Император», Торговый дом «Купеческий», ресторан «Астория», ресторан «Корона», ресторан «barBQ», кафе «Теплица», кафе «Пицца-блюз», кафе «Солянка», магазины «Добрыня», «Аркадия», «Метелица», «Княжна», «Касым Кайсенов», «Сандалики», «Madonna», «Andorra», «Valencia», «Lori Blue», «Adidas», «Jence center», «Идеал», «Лавка рыбака», «Мягкий свет», «Винт», «Домъ», «Алиса», «Чунга-Чанга», «Ориент», «Дюймовочка», «Сашенька», «Лилия», «Мир детства» и т.п. Напоминанием о том, что эти заведения находятся в Казахстане, служит надпись «Дукен» (магазин). Областные власти пытаются направить творчество владельцев в суверенно-патриотическое русло: «Аким области... отметил некоторую неуместность (в условиях свободного, суверенного Казахстана) таких названий, как “Большевик” – ночной клуб, “Корона” – ресторан, “Император” – центр досуга. Добавил, что все вышеперечисленные недостатки и упущения свойственны, к сожалению, и другим городам области. <...> Несоблюдение закона о языках в стране – это одно дело. Но есть еще и такое понятие, как национальная гордость. Где она? <...> Государственный язык является одним из главных завоеваний независимого Казахстана, одним из его символов. Так давайте его уважать, беречь, развивать наряду с другими языками» [12]. Однако, несмотря на настоятельные рекомендации, ситуация остается практически неизменной.

В дневной зоне также расположены два кинотеатра – «Эхо» и «Юбилейный», несколько гостиниц – «Усть-Каменогорск» («Оскемен»), Gold Star, De luxe.

Таким образом, малый бизнес реагирует на полиэтническое дневное пространство в основном русскими и английскими вариантами названия заведений, не отражая пока этнополитических, этнодемографических суверенных изменений. Но постепенно рынок начинает реагировать на потребности «новых горожан». Так, у казахов принято на всевозможные торжества приглашать большое количество гостей. В результате почти на всех ресторанах размещена реклама – «Свадьбы, юбилеи – до 150 мест» (200, 300 мест и т.п.).

В спальных районах, на окраинах ситуация несколько иная. Общественные заведения работают в основном только для «своих», вследствие чего учитывают особенности, в том числе и этнические, потенциальных покупателей, что отражено в названиях торговых точек.

В целом можно предположить, что визуальные эволюции в первую очередь характерны для бытового пространства города. «Новые горожане» привносят в быт массу нюансов, не характерных для городских норм поведения. Но постепенно ситуация меняется, идет приспособление, привыкание к иным стандартам жизнедеятельности.

«Полюса» городского пространства – «дневное пространство», с одной стороны, «люмпены» – с другой, этнизированы гораздо в меньшей степени. Хотя, вполне возможно, нищие также являются частью дневного пространства города. Как бы то ни было, но среди них почти нет казахов. Для достижения социального дна, выхода за рамки социальной структуры необходимо обладать опытом городской жизни, своеобразной «городской психологией», пройти определенный социальный путь. Причина слабой этнизации этого слоя, на наш взгляд, в том, что традиционный потенциал казахского общества еще достаточно велик, чтобы не позволить кому-либо полностью из него выпасть. Определенная социальная поддержка (семья, род, землячество) еще имеется. Нищие старики-казахи практически отсутствуют как факт (многопоколенная семья, традиции уважительного отношения к старшим). Но, вполне возможно, с течением времени многие «сохранившиеся» положительные явления будут растворены в неоднозначном городском пространстве: «...молодой человек, приехавший из глубинки, на самом деле изначально является более культурным человеком, нежели маргинализировавшийся в третьем поколении горожанин. У приезжих присутствуют и уважение к старшим, и религиозность, и идеализация семейных ценностей. Однако за недолгий период адаптации в городе все это обретает противоположные, мутировавшие очертания» [9].

Таким образом, на первый взгляд, этнодемографические тенденции развития Усть-Каменогорска недостаточно отражены визуально. Русифицированное городское пространство скорее вестернизируется, чем казахизируется. Впрочем, стандартный критерий «адекватности» неизвестен и, скорее всего, попросту отсутствует. Сложно сказать, насколько значимо звено «визуальное пространство города» в логической цепочке суверенных эволюций. Можно ли назвать его этапом процесса европеизации? Или архаизации? Или визуальное пространство развивается по самостоятельному, параллельному сценарию, не являясь критерием оценки «цивилизационного состояния»? Почти 25 лет суверенного развития Республики Казахстан не дали четкого ответа на эти вопросы, по крайней мере, на примере Усть-Каменогорска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наурызбаева З. Розенкрейцеры, даосы и казахи // Свобода слова. 2012. 16 авг.
2. Таукина Р. Степные рыцари сегодня. Стереотипы в современном менталитете казахов // Свобода слова. 2012. 9 авг.
3. Тужутов А. Рожденные в СССР // Мегapolis. 2002. 7 ноя.
4. Шарипов О. Нашли ли приют в городе казахи из деревень? // Уш Анык. 2000. № 3–4.
5. Казахстанская правда. 2012. 17 ноя.
6. Время. 2012. 14 июня.
7. Бейсебаев К. Учите правильно, и не будет никаких языковых проблем // Взгляд. 2012. 5 сен.
8. Кириница Ю. Великая казахстанская мечта. Можно ли преодолеть раскол страны по языковому принципу // АиФ. Казахстан. 2012. № 26.
9. Культура молодых. Кто воспитывает нашу молодежь? // Свобода слова. 2009. 21 мая.
10. Байтуkenов Т. Три девицы под огнем // Время. 2012. 23 авг.
11. Султанмуратов Н. Особенности урбанизации казахов // Социальный портрет современного казахстанского общества : сб. ст. Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента РК – Лидера нации. Астана-Алматы, 2015. С. 105–150.
12. Кудайбергенов К. О дальнейшем развитии языков // Рудный Алтай. 2010. 10 марта.

Alexeenko Alexander N. Eastern Kazakhstan State Technical University n. a. D. Serikbayev (Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan). E-mail: alalexeenko@mail.ru

MIGRATIONS AND THE EVOLUTION OF THE VISUAL SPACE IN UUST-KAMENOGORSK.

Keywords: visual space; city space; migration; city functions; Ust-Kamenogorsk; ethnic composition.

Over a long period of time, an ethnically differentiated settlement system has formed in Kazakhstan. In the late 20th century the Kazakh people were still rural inhabitants whereas the Russians dominated the Kazakh urban space. This trend was clearer in the north-east of the Republic. The collapse of the USSR led to the intensification of migration flows that had started in the 1970s – 1980s, i.e. the emigration of the «European» urban population and the movement of Kazakh rural inhabitants to cities. The article aims to find out, through the example of Ust-Kamenogorsk, whether the change of ethnic composition has an impact on the visual space of the city. Do the sovereignty-related ambitions get reflected in the visual evolution of the urban space (architecture, onomastics, names of public catering places, shops, etc.)? Or the based on the «European» urban space is capable of «dissolving» these ethno-sovereignty-driven ambitions? To reveal the problem's essence, it is of great importance to refer to the history of Ust-Kamenogorsk. The article illustrates the main historical periods of the development of the city (the pre-Soviet, Soviet, and the sovereign one). The ethno-demographic, socio-economic, and socio-cultural basis of the city has formed during a long time, from the 18th to the 20th centuries. Therefore, the rapid change of the ethno-demographic composition of the population here in the late 20th to the early 21st centuries did not alter the socio-economic and socio-cultural development path. The migration flow from rural areas has, to a great extent, adapted to the existing urban environment. The formation and preservation of this «environment» largely depends on the sustainability of city's main functions (the industrial ones) that have developed over centuries. Importantly, the city's functions remained the same despite the political state of affairs (the pre-Soviet, Soviet, and the sovereign one). Thus, one can speak of the presence of some specific urban environment here, independent, to a degree, of political changes. As a result, the urban space is still capable of defining new city dwellers' behaviour. This can also be traced, to a great extent, in the visual space of Ust-Kamenogorsk. Architecture and design, onomastic and other components of the city's visual space have undergone minor changes. The vast majority of the names of streets continue to reflect the impact of the Soviet era (Orjonikidze, Kirov, Voroshilov, Gorky, Stakhanov, Karl Marx, Liebknecht, Burov, Bazhov, Karbyshev, etc.) The names of public places (restaurants, cafes, shops, etc.) reflect the dynamics of the ethno-demographic change of the last decades only to a small degree. Thus, the author concludes that the Russianized visual space of Ust-Kamenogorsk is becoming more westernized rather than Kazakh. The emerging new ethnic basis of the city continues to exist in the previously formed visual space.

REFERENCES

1. Nauryzbaeva, Z. (2012) Rozenkreysery, daosy i kazakhi [Rosicrucians, Taoists and Kazakhs]. *Svoboda slova*. 16th August.
2. Taukina, R. (2012) Stepnye rytsari segodnya. Stereotipy v sovremennom mentalitete kazakhov [Steppe knights today. Stereotypes in the modern mentality of Kazakhs]. *Svoboda slova*. 9th August.
3. Tuzhutov, A. (2002) Rozhdennye v SSSR [Born in the USSR]. *Megapolis*. 7th November.
4. Sharipov, O. (2000) Nashli li priyut v gorode kazakhi iz dereven'? [Have the Kazakhs from the villages found a shelter in the city?]. *Ush Anyk*. 3-4.
5. *Kazakhstanskaya pravda*. (2012) 17th November.
6. *Vremya*. (2012) 14th June.
7. Beysebaev, K. (2012) Uchite pravil'no, i ne budet nikakikh yazykovykh problem [Teach correctly and there will be no language problems]. *Vzglyad*. 5th September.
8. Kirinitsyanov, Yu. (2012) Velikaya kazakhstanskaya mechta. Mozhno li preodolet' raskol strany po yazykovomu printsipu [The great Kazakhstan dream. Is it possible to overcome the division of the country on the basis of language]. *AiF Kazakhstan*. 26.
9. Anon. (2009) Kul'tura molodykh. Kto vospityvaet nashu molodezh'? [Youth culture. Who educates our youth?]. *Svoboda slova*. 21st May.
10. Baytukenov, T. (2012) Tri devitsy pod ognem [Three girls under fire]. *Vremya*. 23rd August.
11. Sultanmuratov, N. (2015) Osobennosti urbanizatsii kazakhov [Features of the Kazakhs urbanization]. In: *Sotsial'nyy portret sovremennogo kazakhstanskogo obshchestva* [The social portrait of modern Kazakhstan society]. Astana-Almaty: IWEP. pp. 105-150.
12. Kudaybergenov, K. (2010) O dal'neyshem razvitiy yazykov [On further development of languages]. *Rudnyy Altay*. 10th March.